

Татьяна Аксёнова

г. Москва

Окаянное

*Посвящается
двум болгарским поэтам,
русофилам, моим друзьям
Лучезару Еленкову и
Владимиру Стоянову.*

I

Боян окаянн! Растекается песнею грустной,
Где «Игорь... бо... бяше... дружина, и Гза,
и Кончак...»

Врезаются пальцы в давно онемевшие
гусли,

Замёрзшие тоже. И не разогнуть их никак...

На стенах Путивля закычет зегичкою лада,
С чугунных оград разлетится домой
вороньё...

Да, не оторвать эти пальцы от струн,
и не надо:

В болоте гонцы застывают. Пускай допоёт!

Под коркою наста лежит изяславово тело,
А коршун голодный над мёртвой Двиною
кружит...

Боян осиян! Осмомыслова дочь не хотела
Без мужа одна оставаться, и княжить,
и жить...

Сквозь дебри дубравы расплакалась –
вот же, доука!

Орехом ли, белкой Боян рассыпается, стар?
Что эхо времён заповедных, как древняя
мука,
Во мне отзывается? Ну, распедай, гуслар!

Студёной водой из ковша деревянного
льётся
На свежую рану, в которой повинен
Кончак...

Когда не взойдёт окаянное русское Солнце –
В Чернигове сточном зарюют последний
колчан.

II

Подоткнула подол у костра коброглазая
Хобра,

Заметались огни вертикальных,
кинжальных зрачков:

«Конунг Эймунд отправился в Хольмгард –
известьем недобрым

Огорчила она Святополка, – а повод
каков!..»

Помешала обавница зелье в горшке
и вздохнула:

«К Ярислейву с Рагнармом он войско
норманнов привёл...»

«Что же брат Ярослав? – Святополк
покачнулся, как снулый.

«Он погубит Вас, князь, он – коварен,
расчётлив и зол!

Ярислейв извести прочих братьев имеет
потребу:

Бурислейв будет ранен, потом в Кенугарде –
добит,

Повинуясь приказу, зарежет и младшего,
Глеба,

Повар Торчин, такой молодой, безобидный
на вид!

Но и Вы доживёте, как заживо брошены

в яму:

Всю вину за убийства писаки повесят

на Вас!»

И вздохнул Святополк, что народ прозовёт

«окаянным»,

Замолчала волхвितка, и огненный шёпот

угас...

III

Сурья взошла – золотые колёса

Ловят своё отражение в домах.

Так перед зеркалом, простоволоса,

Черноволоса Чернава впотьмах...

Смуглой авеше свеча предвещала,

Что уцелеет её Лучезар.

Половцы злато снимают сначала –

В краже они превосходят хазар...

Морде двурогой над ним поклониться,

Гнутою саблей кольчугу рассечь?

Сечу насквозь пролетит Перуница –

Дарует воину меч.

В тьмы половецкие громницы мечет

Небо, спасая водою живой!

Ждёт Лучезара известье при встрече,

Если Чернава не станет вдовой:

Что бы ей зеркало ни показало –

Бьётся под сердцем потомок волхвов...

Слава Перуну, героев немало!

Вечна Любовь!

IV

Славься, Перун, метко мечущий стрелы,

Верных ведущий по правой стезе!

Честью твоею хоругви пестрели

В битве ли, в тризне –

Великий резерв!

Воины вечны в Перуновом войске.

Явь оживляющий – золоторун.

От огнекудрого дар – огнестойкость.

Славься, Перун!

Плач по Орфею и Эвридике

Ужасный век! Ужасные сердца!

Эринии не сводят глаз с певца,

Сизиф на камень сел, остановилось время,

На колесе распятый Иксион

Заслушался Орфея – это он

Запел в аду, боготворимый всеми...

Бог прилетел, но гимнов не принёс.

А сколько у него ещё колёс,

Условий, испытаний для влюблённых,

Галер, олимпов, стихсов – хоровод?

Лишь тот любви достоин, кто пройдёт

Все непреодолимые заслоны!

Играй, Орфей, на арфе, сладко пой,

Фракийкам не расправиться с тобой,

Пока хариты тешатся с Хароном,

И я, подруга муз, горю стихом,

По Эвридике плачу, в горле ком

В процессии глотая похоронной...

Свечи огарочек...

100-летию со дня рождения

А. И. Фатьянова.

Полукличка? Неизвестно что –

«Песенник-поэт»? Бессмертны строки,

Смысловой нагрузкою простой

Жизнь в себя вместившие настолько,

Что звучат стихи всея Руси

Каждый раз, когда поётся песня!

И кого на свете ни спроси –

Мифа нет объёмней и чудесней,

Празднества солдатского – живей...

Над окопом соловей защёлкал?

Да зимой откуда – соловей?

Снится, что цветёт у дома ёлка...

Нет медовой горечи её!

Месяц будто сажей напوماжен...

Без ребят девчонкам – не житьё.

Без солдат – не гибнуть силе вражьей.

Без мечты Россию не спасти.

Без души не будет подвиг ярок.

Загорайся звёздочкой в горсти,

Дорогой фатьяновский огарок!